

ДУХОВНОМЪ ЗАВѢЩАНІИ

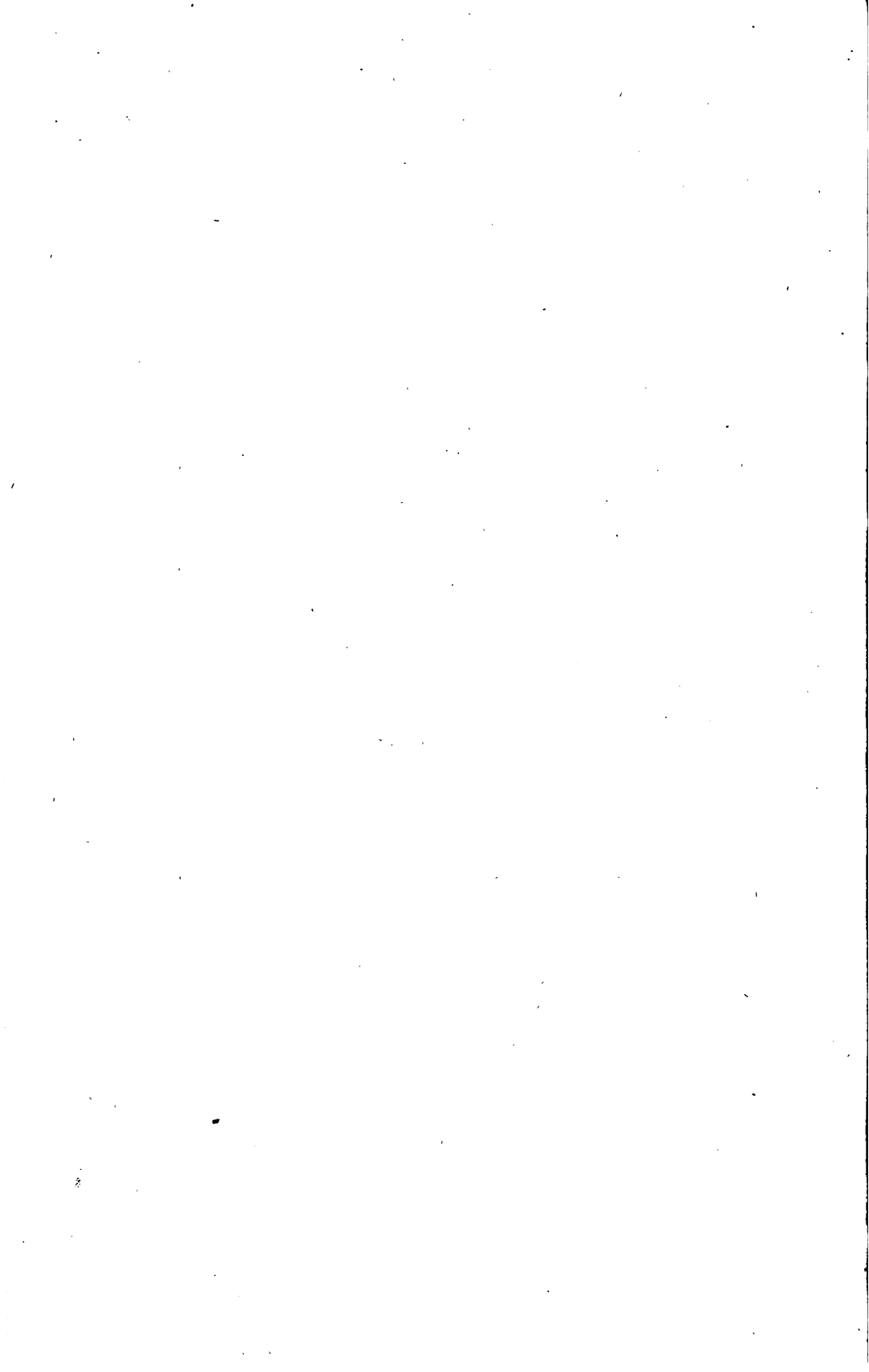
ФРИДРИХСГАМСКАГО КУПЦА

К. В. БѢЛЯЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи д-ра М. Хава, Графскій переулокъ № 5.
1871.

not altered

101111

О

ДУХОВНОМЪ ЗАВѢЩАНІИ

ФРИДРИХСТАДСКАГО КУПЦА

К. В. БѢЛЯЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи д-ра М. Хава, Графскій переулокъ № 5.

1871.

Рис.
См.

MAR 20 1928

Въ числѣ дѣлъ, обратившихъ на себя въ послѣднее время наибольшее общественное вниманіе, до сихъ поръ еще остается на первомъ планѣ дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, возбужденное со стороны лицъ, претендующихъ на наслѣдство оставшагося послѣ него, будто бы, громаднаго состоянія.

Вниманіе это преимущественно было возбуждено тѣми слѣдовавшими одна за другою статьями, которыя, съ самою постоянною настойчивостью печатались не только въ наиболѣе распространенныхъ русскихъ газетахъ, но и въ петербургскихъ корреспонденціяхъ иностранныхъ газетъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти статьи исходили изъ одного весьма пристрастнаго источника — именно отъ лицъ, преслѣдующихъ въ этомъ дѣлѣ свои интересы, и, повидимому, поставившихъ себѣ задачей, во что бы то ни стало увѣрить общественное мнѣніе въ подложности означеннаго духовнаго завѣщанія, лишившаго ихъ возможности наслѣдовать громаднѣе, по ихъ словамъ, Бѣляевское богатство.

Такимъ образомъ дѣло это представлено въ крайне преувеличенномъ и искаженномъ видѣ, и большинство заинтересованной имъ публики введено въ заблужденіе. Ему остается неизвѣстнымъ даже и то обстоятельство, что лица, такъ громко вопіющія о поправіи ихъ наслѣдственныхъ правъ, суть люди совершенно чуждые покойному Бѣляеву и несостоящіе съ нимъ ни въ какомъ родствѣ.

Въ дѣйствительности дѣло это происходило слѣдующимъ образомъ:

Покойный Бѣляевъ, во время своей молодости, когда еще онъ не имѣлъ рѣшительно ни какого состоянія, поступилъ на службу къ одному изъ извѣстнѣйшихъ капиталистовъ въ Петербургѣ, коммерціи совѣтнику Ивану Федоровичу Мясникову, писцомъ въ его

контору. Сначала онъ былъ на посылкахъ. Впослѣдствіи, Мясниковъ, замѣтивъ въ немъ хорошія способности къ коммерческимъ дѣламъ, постепенно сталъ поручать Бѣляеву болѣе серьезныя занятія и наконецъ, сдѣлавъ его комиссіонеромъ, ввѣрилъ ему въ управленіе часть своихъ дѣлъ, которыми Бѣляевъ и управлялъ до самой своей смерти.

Дѣла Мясникова состояли въ огромныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ; въ нихъ непрерывно обращались весьма значительныя денежныя суммы,—и здѣсь-то былъ источникъ обогащенія Бѣляева, изъ котораго въ настоящее время, со стороны лицъ, претендующихъ на наслѣдство его, проистекаютъ всѣ притязанія къ наслѣдникамъ Мясникова.

Мясниковъ умеръ въ Петербургѣ въ 1855 году, оставивъ послѣ себя огромное состояніе, заключавшееся въ дѣлахъ, имуществѣ и наличномъ капиталѣ. Въ это время внуки и прямые наслѣдники покойнаго, Иванъ и Александръ Мясниковы были въ отсутствіи—первый въ Смоленскѣ, другой въ Севастополѣ. Въ день смерти Мясникова при немъ находился одинъ Бѣляевъ, и, какъ повѣренный его, принялъ всѣ оставшіяся послѣ него дѣла и капиталы.

Наслѣдники Мясникова также уполномочили Бѣляева на управленіе наслѣдованнымъ ими отъ дѣда ихъ состояніемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сдѣланъ былъ опекуномъ, надъ малолѣтними сонаслѣдниками Мясниковыхъ и оставался въ этомъ званіи до самой своей смерти, почему въ числѣ письменныхъ дѣлъ его находились и дѣла относившіяся до интересовъ Мясниковыхъ.

По смерти Бѣляева вдова его предъявила духовное завѣщаніе, составленное 10-го мая 1858 года, подписанное свидѣтелями, и самимъ имъ, при жизни его, собственноручно ей переданное. По силѣ этого духовнаго завѣщанія все имѣніе умершаго, движимое и недвижимое (за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ выдачъ, точно поименованныхъ) предоставлялось женѣ его Екатеринѣ Васильевнѣ Бѣляевой; Мясниковымъ же въ этомъ завѣщаніи никакого назначенія не сдѣлано: имъ не было завѣщано ни одной копейки и даже имени ихъ не упомянуто.

Вдова Бѣляева представила это завѣщаніе во 2-й департаментъ с.-петербургской палаты гражданскаго суда къ надлежащему утвержденію. Палата вызвала и допросила переписчика и свидѣтелей, и по утвержденіи ими, въ особомъ отобранномъ отъ нихъ до-

просѣ, подлинности завѣщанія, постановленіемъ своимъ 6-го ноября 1858 года завѣщаніе это засвидѣтельствовала.

Затѣмъ духовное завѣщаніе представлено было Бѣляевою въ 1-й департаментъ с.-петербургской палаты гражданскаго суда ко вводу во владѣніе, который и учиненъ былъ по особому постановленію палаты.

Ни при явѣ духовнаго завѣщанія къ засвидѣтельствуванію, ни при явѣ его ко вводу во владѣніе, ни отъ кого никакого спора, ни противъ подлинности этого акта, ни противъ законности завѣщательныхъ распоряженій, предъявлено не было; а затѣмъ, по силѣ т. X, ч. I, ст. 1098 и ч. II, ст. 81, всякій споръ противъ духовнаго завѣщанія могъ быть начатъ и производимъ не иначе, какъ въ порядкѣ апелляціоннаго тяжбнаго производства.

Между тѣмъ въ числѣ лицъ, служившихъ при жизни Бѣляева писцами и конторщиками по управляемымъ имъ дѣламъ Мясникова, находился козымодемьянскій мѣщанинъ (нынѣ с.-петербургскій купецъ) Александръ Ѳеодоровъ Красильниковъ. По смерти Бѣляева, когда дѣла Мясниковыхъ поступили въ ихъ непосредственное распоряженіе, Красильниковъ былъ устраненъ Мясниковыми отъ всякихъ занятій по ихъ дѣламъ, и потомъ имѣлъ съ ними непрерывныя тяжбы. Такимъ образомъ сдѣлавшись врагомъ Мясниковыхъ, Красильниковъ сталъ распускать слухи о составленіи, будто бы ими подложныхъ отъ имени Бѣляева сохранный записки и духовнаго завѣщанія. Съ такимъ заявленіемъ (какъ видно изъ собственнаго его показанія)¹⁾ сначала обратился онъ къ полковнику корпуса жандармовъ Ракѣву, потомъ вызвалъ изъ Перми сына родной сестры Бѣляева, мѣщанина Ивана Мартянова, который вслѣдствіе этого вызова и сообщенныхъ ему отъ имени Красильникова свѣденій, лѣтомъ 1859 года прибылъ въ Петербургъ и подалъ доносъ на Мясниковыхъ шефу жандармовъ. Но доносъ этотъ, по несостоятельности его, конечно подтвержденной собранными справками, не былъ принятъ въ уваженіе. Послѣ этого Мартяновъ по довѣренности матери своей, сарапульской мѣщанинѣ Надежды Васильевой Мартяновой, предъявилъ въ 1-й департа-

1) Показаніе Красильникова изъяснено въ приложенной здѣсь копіи съ протоколовъ судебнаго слѣдователя Макалинскаго. Ср. протоколъ 8 іюля 1868 г.

ментъ с.-петербургской палаты гражданскаго суда первоначальный искъ о подложности означеннаго духовнаго завѣщанія. Но искъ этотъ за смертью Мартянова былъ прекращенъ. Тогда по довѣренности ея же Мартяновой, сарапульскій купеческій сынъ (нынѣ царскосельскій купецъ) Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ предъявилъ въ тотъ же 1-й департаментъ палаты новый искъ 20 іюля 1861 года, и по его исковому прошенію было начато тяжбное производство въ установленномъ законѣ порядкѣ. Между тѣмъ довѣрительница его Мартянова умерла, не бывъ утверждена палатой въ правахъ на наслѣдство послѣ Бѣляева.

Послѣ смерти Мартяновой открылось духовное завѣщаніе, по которому она все свое имѣніе предоставила въ собственность означенному повѣренному ея Ижболдину, женѣ его Аннѣ Алексѣевой Ижболдиной и купеческой женѣ Зоѣ Николаевой Пошехоновой.

По этому духовному завѣщанію Ижболдины и продолжали означенное дѣло, начавшееся какъ выше показано въ 1-мъ департаментѣ с.-петербургской палаты гражданскаго суда 20 іюля 1862 года.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что этотъ Ижболдинъ, являющійся прежде повѣреннымъ Мартяновой въ возбужденномъ по инициативѣ Красильникова дѣлѣ, а потомъ пріемникомъ правъ своей довѣрительницы, на основаніи оказавшагося послѣ смерти ея духовнаго завѣщанія, находился и теперь находится въ самыхъ ближайшихъ связяхъ съ Красильниковымъ, имѣлъ съ нимъ, какъ показываетъ самъ Красильниковъ денежные счета, а изъ показанія одного съ ихъ же стороны выставленнаго свидѣтеля открылось, что *Ижболдина содержала для этого дѣла Красильниковъ*. Къ нимъ присоединился въ качествѣ повѣреннаго Ижболдина коллежскій секретарь Германъ, человекъ безъ письменнаго вида проживавшій въ Петербургѣ, имѣющій весьма сомнительную репутацію, о которомъ самимъ имъ представленный свидѣтель показалъ ¹⁾, что онъ, Германъ, извѣстный во всемъ околѣдѣ пьяница, рѣдко бываетъ трезвъ и въ кабакахъ, припутывая кабатчиковъ къ наслѣдству Ижболдиныхъ, выманивалъ у нихъ деньги.

Этотъ-то Германъ, въ качествѣ повѣреннаго Ижболдина, снача-

1) Ср. Копію съ протокола судебнаго слѣдователя Макалинскаго 12 іюля 1868.

да сдѣлать доносъ Шефу Жандармовъ о фальшивости духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева и составленной отъ имени его подложной сохранной росписки; потомъ обращался съ такими же извѣтами къ С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Министру Юстиціи и Министру Финансовъ. Но всѣ эти извѣты признавались неосновательными и вдова Бѣляева въ теченіи девяти лѣтъ оставалась полною владѣтельницею завѣщаннаго ей мужемъ ея имѣнія.

Наконецъ, Германъ подалъ доносъ Прокурору С.-Петербургскаго окружнаго суда. Вслѣдствіе чего произведено было, на основаніи 311 и 312 ст. уст. угол. суд. дознаніе, которое не обнаружило никакихъ доказательствъ въ достовѣрности обвиненія, и потому, какъ не представившее основаній къ началу слѣдствія, оставлено Прокурорскимъ надзоромъ безъ дальнѣйшаго производства.

Тогда Ижболдины подали отъ себя жалобу Прокурору окружнаго суда и представившись въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, обвиняли Мясниковыхъ въ подложномъ составленіи отъ имени Бѣляева духовнаго завѣщанія и сохранной росписки. Самую суть своего обвиненія они основывали на слѣдующихъ соображеніяхъ: что Мясниковы будтобы пожелали воспользоваться состояніемъ Бѣляева, умершаго безъ прямыхъ наслѣдниковъ, что для достиженія этой цѣли они составили отъ имени Бѣляева подложную сохранную росписку въ 272.000 рублей и подложное духовное завѣщаніе въ пользу вдовы покойнаго Екатерины Бѣляевой, съ которою они вошли въ сдѣлку, состоящую въ томъ, чтобы она изъ оставшагося послѣ Бѣляева капитала сдѣлала имъ уплату по означенной подложной роспискѣ.

По этой жалобѣ Ижболдиныхъ Прокурорскій надзоръ поручилъ судебному слѣдователю Макалинскому произвести предварительное изслѣдованіе, къ которому онъ и приступилъ въ іюлѣ 1868 года.

Отъ всѣхъ представленныхъ Ижболдиными лицъ, отобраны были судебнымъ слѣдователемъ въ присутствіи самаго Ижболдина и нѣсколькихъ его повѣренныхъ, подробныя показанія, а черезъ приглашенныхъ экспертовъ произведено было сличеніе подписи Бѣляева на духовномъ завѣщаніи съ подписями его на другихъ документахъ.

Когда слѣдствіе приближалось къ окончанію, Ижболдинъ во-

шелъ къ судебному слѣдователю съ прошеніемъ, въ которомъ, на основаніи сдѣланнаго имъ изложенія обстоятельствъ дѣла, привлекалъ къ уголовной отвѣтственности вдову Бѣляева и просилъ наложить на имѣніе ея, а равно и на имѣніе Мясниковыхъ въ суммѣ 4.500.000 рублей запрещеніе, впредь до разрѣшенія дѣла по существу.

Разсмотрѣвъ это прошеніе и сообразивъ его съ раскрытыми уже производимымъ изслѣдованіемъ обстоятельствами, судебный слѣдователь не нашелъ законныхъ основаній къ удовлетворенію требованія Ижболдина и въ просьбѣ его отказалъ.

Не достигнувъ успѣха въ своемъ не законномъ домогательствѣ, имѣвшемъ цѣлю чрезъ наложеніе на имѣніе Мясниковыхъ запрещенія, повергнуть ихъ въ крайне стѣснительное положеніе, долженствовавшее оказать разорительное вліяніе на ихъ дѣла и состояніе, Ижболдинъ прибѣгнулъ къ другимъ мѣрамъ, для того, чтобы представить настоящее дѣло въ возмутительнѣйшихъ чертахъ, и такимъ образомъ возбудить противъ Мясниковыхъ общественное мнѣніе.

Очевидно съ такою цѣлю, сначала въ «Новомъ Времени» появилась статья, возвѣщающая о дѣлѣ Мясниковыхъ слѣдующими словами: «Носились также на дняхъ слухи о возобновленіи извѣстнаго и запутаннаго дѣла наследниковъ Бѣляева съ Мясниковыми, въ которомъ даже *обнаружены* подлогъ документовъ и попытка къ *отравленію прямого наследника*. Сумма иска должна быть громадна, если принять въ соображеніе, что обвиненные, какъ говорятъ, пригласили для своей защиты шесть повѣренныхъ, обязуясь заплатить каждому по 75.000 руб. вознагражденія.»

Вслѣдъ затѣмъ въ «Петербургской Газетѣ» появилась статья, въ началѣ которой изъ слова въ слово повторялось заявленіе «Новаго Времени», потомъ доводилось до свѣдѣнія публики, что исторія Бѣляевскаго дѣла, будто бы ярко обрисовываетъ то тяжелое время, которое Россіей пережито и къ которому она — слава Богу уже не возвратится, что въ теченіи 10-ти лѣтъ законные наследники вели неустанную борьбу, добиваясь производства слѣдствія, но едва, едва успѣли въ этомъ только недавно; что въ десяткахъ прошеній поданныхъ по дѣлу о сказанномъ наследствѣ, они обвиняли обладателей милліоновъ въ захватѣ чужаго имущества, въ поддѣлкѣ

актовъ, въ утайкѣ казеннаго интереса и даже какъ сообщаетъ «Новое Время» въ отравленіи; далѣе въ «Петербургской газетѣ» описывалось, что покойный Бѣляевъ обладалъ огромнымъ состояніемъ, имѣлъ громадные дѣла чуть не по всей Россіи, носилъ брилліантовый перстень въ 25 т. р. и такія же запянки по 3 т. руб. каждая, что нашедшимся духовнымъ завѣщаніемъ (подложность котораго доказывается наслѣдниками) все отказано женѣ Бѣляева и она уступила все имущество Мясниковымъ только за 392,653 руб.,

Черезъ нѣсколько дней послѣ напечатанія означенной статьи въ «Петербургской газетѣ» явилась въ ней подъ заглавіемъ «Письмо къ редактору» статья самаго Ижболдина, которую онъ начинаетъ выраженіемъ своей увѣренности, что редакторъ, въ виду процесса, заключающаго въ себѣ много интереснаго для публики, не откажется помѣстить нѣкоторые свѣдѣнія по этому дѣлу, основанныя на подлинныхъ документахъ. Но далѣе въ «письмѣ къ редактору» ни на какіе подлинные документы не указывается. Въ немъ повторяется тоже голословное словоизверженіе, какимъ исполнена была и первая статья въ «Петербургской газетѣ». Очевидно, Ижболдинъ хотѣлъ только бросить въ публику громкую фразу о подлинныхъ документахъ, преслѣдуя все ту же цѣль: возбудить противъ Мясниковыхъ общественное мнѣніе.

Вслѣдъ затѣмъ пущены были въ публику со стороны Ижболдина въ видѣ брошюръ особыя сказанія, озаглавленные слѣдующими словами—первое: *«Историческое изложеніе по дѣлу о подложныхъ духовномъ завѣщаніи и сохранной роспискѣ, составленныхъ отъ имени фридрихсгамскаго первостатейн. купца Козьмы Васильевича Бѣляева;»* второе: *«Выписка изъ произведеннаго по распоряженію прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго суда судебнымъ слѣдователемъ юр. С.-Петербурга Макалинскимъ слѣдствіи о духовномъ завѣщаніи, писанномъ 10-ю мая 1858 года отъ имени покойнаго фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильевича Бѣляева. По дѣлу этому участвуютъ мещанинъ Амфилоій Каратановъ въ подписаніи духовнаго завѣщанія подъ руку Бѣляева, а вдова покойнаго Екатерина Бѣляева и братья Александръ и Иванъ Константиновичи Мясниковы въ томъ, что они воспользовались этимъ завѣщаніемъ завѣдомо фальшивымъ».*

Въ «Историческомъ изложеніи» сначала описывается, якобы, несметное богатство Бѣляева, образовавшееся преимущественно, изъ «баснословныхъ барышей» отъ откуповъ. Бѣляевъ представленъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ откупщиковъ своего времени, въ распоряженіи котораго, кромѣ своихъ собственныхъ, находились, до 50 компанейскихъ откуповъ, обладателемъ виновуренныхъ заводовъ, домовъ выстроенныхъ дворцами и т. д. Все это излагалось съ цѣлью увѣрить, что послѣ Бѣляева осталось состояніе въ четыре съ половиной милліона рублей, которыми воспользовались Мясниковы посредствомъ подложнаго духовнаго завѣщанія.

Въ какой огромной степени описаніе богатствъ и положеніе Бѣляева преувеличены въ пресловутомъ «Историческомъ изложеніи» Ижболдина, съ достаточною ясностію обнаружило произведенное судебнымъ слѣдователемъ изслѣдованіе. О состояніи Бѣляева спрошены были лица, дѣйствовавшія въ откупной сферѣ на одномъ съ нимъ поприщѣ. Лица эти дали слѣдующіе отзывы:

Извѣстный откупщикъ Бенардаки показалъ ¹⁾, что онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со старикомъ Иваномъ Федоровичемъ Мясниковымъ, у котораго Бѣляевъ служилъ и который обращался съ Бѣляевымъ слѣдующимъ образомъ: «Козьма сходи туда, принеси то и т. п.»; что Бѣляевъ вовсе не былъ извѣстнымъ откупщикомъ; что даже онъ, Бенардаки, не можетъ припомнить, чтобы Бѣляевъ былъ откупщикомъ; что можетъ быть Бѣляевъ былъ небольшой откупщикъ или имѣлъ негласные пай, старикъ же Мясниковъ былъ большой откупщикъ; что Бѣляевъ, какъ говорили о немъ, имѣлъ до 460 т. капитала, но послѣ онъ завелъ лѣсную торговлю, на которой онъ много потерялъ, и что 400 т. рублей — самое большое, что онъ могъ имѣть въ самое лучшее для себя время.

Почетный гражданинъ Ненюковъ показалъ, что ни онъ, ни откупщикъ Воронинъ, «не считали Бѣляева большимъ капиталистомъ, вотъ Мясниковы большіе капиталисты, а Бѣляевъ вышелъ отъ нихъ».

Почетный гражданинъ Иконниковъ отозвался ²⁾, что покойнаго

¹⁾ Ср. Копію съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 29 октября 1868 г.

²⁾ Ср. Копію съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 29 октября 1868 г.

Бѣляева онъ зналъ потому, что Бѣляевъ былъ повѣреннымъ Ивана Федоровича Мясникова, о состояніи же Бѣляева, ему, Иконникову, ничего неизвѣстно.

Далѣе въ «Историческомъ изложеніи» повѣствуется о смерти Бѣляева и обстоятельствахъ ее сопровождавшихъ съ цѣлію доказать, что Мясниковы похитили все оставшееся послѣ него состояніе, и потомъ составили отъ имени умершаго подложное духовное завѣщаніе и подложную же сохранныую росписку.

Совершенная голословность ясно обнаруживается въ преобладающихъ чертахъ этого «Историческаго изложенія»; тамъ же, гдѣ дѣлаются ссылки на свидѣтелей, оказывается явное извращеніе ихъ показаній. Желая выставить Александра Мясникова расхитителемъ капитала Бѣляева, «Историческое изложеніе» между прочимъ говоритъ, что Александръ Мясниковъ, по смерти Бѣляева тотчасъ же по приглашенію вдовы его явился къ ней съ братомъ своимъ Иваномъ Мясниковымъ, застали Бѣляева еще не раздѣтымъ, отправились въ его кабинетъ, отперли ящики и начали вынимать изъ нихъ все тамъ находящееся; вмѣстѣ съ тѣмъ послали за живущимъ въ домѣ Александра Мясникова чиновникомъ Матвѣевымъ и когда тотъ явился, то «Александръ Мясниковъ *наложилъ туго большой портфель билетами разныхъ кредитныхъ учрежденій*», велѣлъ Матвѣеву отвести его къ нему въ домъ.

Но Матвѣевъ при спросѣ его судебнымъ слѣдователемъ далъ показаніе слѣдующими, буквально приводимыми здѣсь словами 1): «Въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ послалъ за мной, чтобы я пріѣхалъ въ домъ покойнаго. Я пріѣхалъ туда и Александръ Мясниковъ далъ мнѣ *обыкновенный листовой пакетъ не запечатанный, въ которомъ находились бумаги* и просилъ отвести этотъ пакетъ въ его домъ, а затѣмъ вернуться въ домъ Бѣляева на панихиду. Исполнивъ его порученіе, отдавъ пакетъ камердинеру его Данилову, съ тѣмъ, чтобы онъ положилъ на его письменный столъ, я возвратился въ домъ Бѣляева. Болѣе никакихъ бумагъ при мнѣ Александръ Мясниковъ изъ дома Бѣляева не бралъ. Въ слѣдующую затѣмъ ночь и послѣ Александръ

1) Ср. Копію съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 8 іюля 1868 г.

Мясниковъ считать деньги меня не заставлялъ и я ихъ не считалъ».

Это показаніе Матвѣева ясно обличаетъ, съ какою безцеремонностію искажается дѣло въ «Историческомъ изложеніи» Ижболдина: обыкновенный листовой и незапечатанный даже пакетъ съ бумагами произведенъ въ большой портфель, туго наложенный билетами кредитныхъ установленій.

Между прочимъ въ «Историческомъ изложеніи» сказано, что повѣренный вдовы Бѣляевой, Чевакинскій, отъ имени Бѣляевой и по ея желанію хотѣлъ самъ заявить правительству о томъ, что довѣрительница его убѣдилась въ томъ, что на духовномъ завѣщаніи подпись фальшивая и что его привезъ къ ней Александръ Мясниковъ. Чевакинскій же въ своемъ показаніи судебному слѣдователю говоритъ слѣдующее ¹⁾: «Бѣляева не только при мнѣ никогда не говорила, что подпись на оставшемся послѣ мужа ея духовномъ завѣщаніи не похожа на почеркъ ея мужа, но если бы она сказала, то я самъ бы просилъ губернское правленіе освидѣтельствовать ее какъ сумасшедшую; я не могу предположить въ Бѣляевой сомнѣнія въ подлинности завѣщанія, потому что Бѣляева по этому завѣщанію приняла все въ свое распоряженіе, рассчиталась съ Мясниковыми по сохранный роспискѣ и пользовалась всѣмъ.»

Составленное такимъ образомъ «Историческое изложеніе» заключено слѣдующимъ возгласомъ: «Дѣло судебнымъ слѣдователемъ Макалинскимъ представлено къ прокурору для прекращенія, по неимѣнію въ виду уголовного преступленія. И такъ, не смотря ни на признаніе экспертами подписи на духовномъ завѣщаніи подложною, ни на болѣе 20 важныхъ свидѣтельскихъ показаній, изложенныхъ въ приложенномъ при семъ *экстрактѣ* и разныя улики, обличающія Мясниковыхъ въ подлогахъ, чрезъ которые они воспользовались состояніемъ наслѣдниковъ Бѣляева болѣе 4 1/2 милліоновъ и похитили у казны до 200,000 руб. сер., дѣло представлено къ прекращенію и Мясниковы такимъ образомъ являются чистыми агнцами и жертвою какой-то клеветы.»

Экстрактъ, на который указываетъ въ своемъ возгласѣ Ижболдинъ, есть та самая выписка изъ произведеннаго судебнымъ слѣ-

¹⁾ Ср. Копію съ протокола суд. слѣд. Макалинскаго 19 іюля 1868 г.

дователемъ Макалинскимъ слѣдствія, о которой сказано выше. Она подписана составлявшимъ ее присяжнымъ повѣреннымъ Каміонко. Въ этой выпискѣ, дѣйствительно приводится болѣе 20 показаній, но изложеніе ихъ сдѣлано въ такихъ выдержкахъ, съ такими опущеніями объясненій, наиболѣе идущихъ къ дѣлу и разъясняющихъ его сущность, что всѣ эти показанія представляются болѣе или менѣе, въ крайне искаженномъ видѣ; кромѣ того показанія нѣкоторыхъ спрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ лицъ, рѣшительно не подтвердившихъ сдѣланной на нихъ Ижболдинымъ ссылки, не приведены въ этой выпискѣ.

Однимъ изъ главныхъ свидѣтелей со стороны Ижболдиныхъ представляется камердинеръ покойнаго Бѣляева Кронштадтскій мѣщанинъ Василій Китаевъ. Въ означенной выпискѣ присяжнаго повѣреннаго Каміонко показаніе Китаева изложено слѣдующими словами: «Камердинеръ Бѣляева Василій Китаевъ показалъ, что послѣ смерти Бѣляева, духовнаго завѣщанія не было открыто и всѣ думали что его нѣтъ. Кемпе тоже сказалъ что нѣтъ и тотчасъ послѣ похоронъ Бѣляева, Отто, который его, Китаева любилъ, сказалъ ему, что подписывалъ много бумагъ, но завѣщанія не подписывалъ. Ремянникова также говорила ему: «какъ дурно сдѣлалъ Бѣляевъ, что завѣщанія не оставилъ». Отъ Бѣляевой онъ не слыхалъ, что завѣщанія не осталось. Потомъ пошелъ слухъ, что завѣщаніе открыто, его привезъ Александръ Мясниковъ. Тогда собрались Александръ и Иванъ Мясниковы, Отто, Каменскій и еще кто, не упомянуть. Онъ подавалъ чай и видѣлъ бумагу. При этомъ Ремянникова сказала, что открылось духовное завѣщаніе (Александръ Мясниковъ возразилъ, что при полицейскомъ чиновникѣ распечатывались бумаги Бѣляева и былъ составленъ актъ, а Китаевъ уличалъ, что никакихъ бумагъ Бѣляева опечатано не было и въ столовой никакихъ бумагъ не распечатывалось, а лежала одна бумага, сложенная пополамъ). Основываясь на словахъ Отто и Ремянниковой, всѣ служащіе полагали, что духовное завѣщаніе фальшивое, и еще потому, что Бѣляевъ по добротѣ своей наградить ихъ; а между тѣмъ отказано одной Ремянниковой, которая не рассчитывая хорошо ужиться съ невѣсткою, въ день смерти Бѣляева, просила Александра Мясникова неоставить ее безъ вниманія. Въ день смерти Бѣляева приходилъ квартальный надзиратель съ помощникомъ, но Александръ Мясниковъ въ передней ска-